ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА ТРУДА В ВОСПРИЯТИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ БАПТИСТОВ

О протестантах издавна существует устойчивое мнение как о добросовестных тружениках и рачительных хозяевах. Еще в первое десятилетие советской власти государство лояльно относилось к протестантским коммунам, оценив их экономическую эффективность. Серьезный научный интерес к природе трудовых качеств протестантов начал проявляться в нашей стране лишь в конце 80-х гг. XX в., в чем немалую роль сыграла публикация трудов немецкого социолога и религиоведа М. Вебера, исследовавшего протестантскую этику труда. В настоящее время открылась возможность сделать следующий шаг – от теоретических изысканий данного феномена перейти к непосредственному изучению его носителей, используя методы конкретной социологии и социальной психологии.

Основные положения протестантской этики труда, носящие доктринальный характер, состоят, как известно, в следующем: труд есть призвание, благословение Божье; стремление к получению прибыли большей, чем жизненно необходимо, угодно Богу; «аскетизм в миру», т.е. недопустимость расточительности, бережливость в трате зарабатываемых средств[1].

Насколько полно и адекватно современные российские протестанты воспринимают эти положения и руководствуются ими в своей повседневной жизни? В какой мере сказываются, с одной стороны, длительность и интенсивность их религиозной жизни в протестантской общине, а с другой – собственный социальный статус (профессия, сектор хозяйственной деятельности – государственный или частный, уровень материального благосостояния и т.д.) на трудовой деятельности? Проявляется ли еще сдерживающая индивидуальную инициативу и предприимчивость инерция советского коллективизма, а также имеющая глубокие исторические корни в российской почве идеализация бедности и неприязнь к богатым?

С целью получения ответов на эти вопросы в конце 2007 – начале 2008 г. было проведено социологическое исследование в общинах евангельских христиан баптистов, действующих в городах европейской части России. Следует отметить сложность поставленной задачи, обусловленную, во-первых, отсутствием у российских протестантов опыта участия в подобного рода опросах, во-вторых, настороженным

[1] См.: Социальная позиция протестантских церквей России. М., 2003. С. 44.

отношением к сбору о них какой-либо информации: еще действует стереотип, унаследованный от их предков, подвергавшихся гонениям за веру. Чтобы минимизировать отрицательное влияние данных обстоятельств на полноту и достоверность результатов исследования, опрос проводился под руководством пасторов в молитвенных домах после богослужения. И все же из розданных 1000 анкет возвращено было только 600, при этом с ответами на все вопросы – 401.

Разумеется, полученные материалы не претендуют на представительность относительно всей Церкви ЕХБ. Вместе с тем социально-демографическая структура опрошенных, распределение их по длительности членства в Церкви являются типичными для большинства поместных церквей (общин) ЕХБ.

Среди опрошенных мужчины составили 48,2%, женщины – 51,8; лица социально активного возраста (от 26 до 60 лет) – 67,2%, до 25 лет – 19,8, старше 60 лет – 13%; среднее образование имеют 51%, высшее – 41, неполное среднее и начальное – 7,5%. Трудятся на предприятиях государственного сектора 41,7%, частного – 39,3, смешанного – 12,1%.

Религиозная жизнь опрошенных характеризуется следующим образом: 90,2% приняли протестантское вероисповедание после 1988 г., т.е. в последние два десятилетия, когда в стране религиозная свобода стала реальностью. При этом протестантами в первом поколении являются 59,9%, во втором и более – 40,0%. Об интенсивности их религиозной жизни свидетельствует то, что 83,3% посещают богослужение не реже одного раза в неделю, 6,7% – не реже одного раза в месяц; читают Библию и другие книги религиозного содержания почти ежедневно 78,6%, не реже одного раза в неделю – 16,0%.

С целью выяснить, насколько верующие евангельские христиане-баптисты *просвещены* в протестантском учении о труде, был задан прямой вопрос: «Какое из приведенных высказываний, по Вашему мнению, соответствует протестантской этике труда?» (В трех вариантах ответа содержались цитированные выше формулировки.) Немногим более половины опрошенных (51,4%) указали, что труд есть призвание человека, 23,7% – бережливость в использовании полученного в труде достояния, 3,5% – стремление к получению своим трудом максимальной прибыли. Полученное распределение ответов, вероятно, отражает по убывающей меру реальной значимости для респондентов каждого из положений протестантской этики труда. Но лишь каждый пятый (19,5%) согласился с тем, что все они в совокупности составляют это учение в его целостности.

Однако, если отвлечься от доктрины и обратиться к собственным обыденным представлениям верующих, то картина существенно изменится. Через все исследование лейтмотивом звучит идея о том, что труд есть призвание и благословение Божье. В предложенной альтернативе: труд – наказание людям за первородный грех Адама или благословение Божье – 79,7% респондентов солидарны со вторым, причем в старшей возрастной группе (старше 60 лет) таковые составили 84%. Стремление служить Христу занимает первое место в структуре побудительных мотивов к труду (52,9%), как и возможность получить свидетельства Божьего благословения – среди других моментов, определяющих личностную значимость трудовой деятельности (38,7%).

Косвенным образом понимание труда как Божьего благословения проявляется и в том, в зависимость от чего опрошенные ставят его успех. Имея возможность из предложенных вариантов ответа выбрать не более двух, 89,3% указали на Божье благословение. Роль собственных усилий, трудолюбия отметили 30,9%, умения правильно оценить ситуацию и собственные возможности – 26,9%.

В определенной степени распределение опрошенными факторов, влияющих на результаты труда, зависит от их социальных характеристик. Так, с повышением уровня образования несколько снижается относительное количество указаний на Божье благословение: с 93,3% у лиц с неполным средним образованием до 88,4% у лиц с высшим, но возрастает доля признаний значения собственной предусмотрительности – с 13,3 до 29,3% соответственно. Что касается различий в понимании факторов, влияющих на успех в труде, между людьми, занятыми в государственном и частном секторах производства, то они фактически отсутствуют в отношении роли Божественного благоволения (86,1 и 90,4%), но достаточно явны в оценке значимости умения правильно оценивать ситуацию и собственные возможности (21,7 и 32,1%).

Каковы же в целом побудительные мотивы трудовой деятельности опрошенных и какова их структура? Имея возможность выбрать не более двух вариантов ответа, респонденты идентифицировали свою позицию следующим образом: долг обеспечить семью самым необходимым – 44,6%; стремление создать себе и своей семье достойную жизнь – 29,4; потребность заниматься интересным делом – 19,7; стремление служить Христу своим трудом – 52,9; другое – 5,0%.

Как видно из приведенных данных, служение Христу является количественно наиболее значимым среди мотивов трудовой деятельности опрошенных, однако, учитывая, что именно такое понимание труда соответствует протестантской этике, можно было бы ожидать и еще

более высокого уровня избрания данного мотива. В то же время мотивы обеспечения семьи самым необходимым и достижения достойной жизни в своей совокупности указаны 74% респондентов. Таким образом, можно сделать вывод, что в данном вопросе они исходят в большей степени из житейско-практических побуждений, нежели идейно-религиозных. При этом характерно, что, если мотив служения Христу для мужчин и женщин важен в равной степени (соответственно 52,8 и 52,7%), то мотивы материального благополучия в большей степени характерны для мужчин, нежели для женщин (соответственно 79,8 и 68,6%), что, вероятно, отражает соотношение меры их ответственности как добытчиков средств существования для семьи.

Тесно связанным с побудительными мотивами к труду является вопрос о том, в чем человек стремится найти (или находит) удовлетворение от своей трудовой деятельности. Разница между ними состоит в том, что в первом случае речь идет о *целеполагании* в этой деятельности, во втором – о видении его практического или морально-нравственного *смысла*.

Ответы на вопрос: «Что для Вас более всего важно в труде?» распределились следующим образом (можно было выбрать не более двух вариантов ответа): размер заработка – 23,9%; добросовестное выполнение своих обязанностей – 37,4; перспектива продвижения по службе – 3,5; возможность получить свидетельства Божьего благословения – 38,7; сознание того, что твой труд нужен людям – 32,4; другое – 3,7%.

Как видим, наибольшая частота выбора ответа на данный вопрос приходится на вариант, определяемый протестантской этикой труда. Но при этом, как и в ответах на вопрос о побудительных мотивах к труду, она далеко «не дотягивает» до возможного максимума. Практически вплотную к нему подступают по частоте выбора добросовестное выполнение обязанностей и сознание нужности своего труда людям. Что касается размера заработка, то хотя респонденты придают ему существенное значение (23,9%), однако он серьезно уступает вышеназванным смыслам трудовой деятельности. Более того, сопоставление частоты выбора размера заработка как смысла труда с частотой выбора его мотивации необходимостью обеспечения себя и своей семьи самым необходимым (44,6%) показывает, что даже материальная нужда далеко не всегда побуждает респондентов оценивать значение труда с точки зрения уровня его оплаты. Вместе с тем прослеживается достаточно определенная зависимость меры прагматизма в понимании смысла своего труда от уровня образования и формы собственности предприятия, где работает респондент. Среди лиц

с начальным образованием значимость размера заработка отметили 16,7%, перспективы продвижения по службе – 0, со средним образованием – соответственно 23,9 и 0,5%, с высшим – 25,6 и 7,9%. Среди тех, кто трудится на госпредприятии, на значение размера заработка указали 16,9%, возможности карьерного роста – 0,6, среди работающих в частном секторе – соответственно 29,5 и 7,1%.

Любопытную картину представляет сравнение ответов на данный вопрос мужчин и женщин. Они в равной степени усматривают ценность труда в возможности получения Божьего благословения (38,7 и 38,3%). Однако в остальном исследование фиксирует характерные различия. Для женщин моральные аспекты труда значительно важнее, чем для мужчин: нужность труда другим людям отметили 38,6% женщин и 25,9% мужчин. У мужчин значительно сильнее выражен прагматический подход: размер заработка важен для 32,1% из них, у женщин – для 16,4%.

Что касается зависимости частоты выбора смыслов трудовой деятельности от собственно религиозных факторов (длительности членства в Церкви ЕХБ, интенсивности религиозной жизни), то она не имеет достаточно ясно выраженной динамики. Единственное, где она проявляется, – это понимание значения труда как возможности получения свидетельства Божьего благословения. Если среди респондентов, еще не ставших членами Церкви («приближенных»), на нее указали 28%, то в каждой последующей группе по длительности стажа этот процент растет, достигая максимума – 47,5% – среди тех, кто является членом Церкви более 20 лет. В остальном же во всех этих группах лидируют (в диапазоне 65,8 – 76%) указания на добросовестное выполнение обязанностей и полезность своего труда для других людей.

Таким образом, анализ структуры мотивов трудовой деятельности членов Церкви ЕХБ и понимания ее смысла позволяет сделать вывод о том, что она (эта структура) представляет собой результат взаимодействия религиозных факторов, с одной стороны, и практических условий и потребностей их повседневной жизни – с другой. При этом соотношение сил влияния тех и других зависит как от глубины восприятия протестантского вероучения, так и от личностных характеристик и обстоятельств жизни того или иного человека – его возраста и образования, семейного положения, уровня материального обеспечения и т.д.

Значительный интерес представляют позиции наших респондентов в отношении стремления людей к обогащению, к обладанию материальными благами сверх самого необходимого.

Как известно, в этом вопросе у христианских конфессий существует разный подход. Православию исторически присуща идеализация бедности как наилучшего условия духовного совершенствования и спасения, находящая основание во многих евангельских текстах, например: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 24). Протестантизм, напротив, превозносит деловой успех, материальное благополучие, привлекая в качестве свидетельства правоты своей позиции другие тексты из Священного Писания, например притчу Иисуса Христа о талантах, завершающуюся словами: «…всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25, 14–29).

В ментальности российского человека исторически глубоко укоренено «нищелюбие», сочувственное отношение к бедному человеку и, напротив, неприязнь к богатым, как сколотившим свое состояние нечестным путем. Подобные умонастроения получили определенную поддержку в последние два десятилетия в условиях экономических реформ в нашей стране, сопровождавшихся сомнительной приватизацией, резким социальным расслоением среди населения.

Каков же разброс мнений по данному вопросу у наших респондентов?

Стремление к обладанию материальными благами сверх необходимого не получает у них массового и безусловного осуждения. Лишь 9,3% опрошенных считают его греховным. Остальные свою оценку ставят в зависимость от того, как эти блага используются. При этом показательно различие позиций в данном вопросе между относительно молодыми баптистами и их единоверцами более старшего возраста. Считают недостойным стремление к обогащению: среди лиц моложе 25 лет – 6,4%, среди 26–40-летних – 7,7 и 23,5% тех, кому более 60 лет. Можно предположить, что в представленной возрастной динамике оценки стремления к обогащению сказывается в большей или меньшей мере влияние отмеченных выше исторических стереотипов восприятия богатства и бедности, а также реально складывающейся ситуации в сфере имущественных отношений в российском обществе последних десятилетий. Если у старших поколений в большей степени довлеет традиция, то молодежь демонстрирует достаточно высокие адаптивные способности. Вместе с тем исследование фиксирует и достаточно выраженное различие позиции по данному вопросу между «приближенными», т.е. теми, кто готовится стать членом баптистской Церкви, и теми, кто уже в ней состоит. Так, греховным считают стремление к обогащению 20% первых, но только 7,6% имеющих церковный стаж от шести до десяти лет.

Абсолютное большинство респондентов (97,0%) не видит непосредственной зависимости благочестия человека от уровня его материального благосостояния. Не зависит существенным образом мнение опрашиваемых по данному вопросу и от их собственного материального положения. Среди хорошо обеспеченных сторонники указанной точки зрения составляют 96,7%, среди испытывающих нужду – 95,0%. Правда, 5% малообеспеченных считают, что благочестивые люди, как правило, бедны. Убеждению, что материальный достаток не помеха благочестию, соответствует и то, что почти треть опрошенных одним из мотивов своей трудовой деятельности назвала стремление создать своей семье материально обеспеченную, достойную жизнь.

Наконец, последний пункт экономической «триады» протестантизма – так называемый аскетизм в миру, бережливость в расходовании средств. В описываемом исследовании 62,1% респондентов заявили, что стремятся быть экономными, не тратить сверх необходимого. Только двое из десяти делают это легко, с удовольствием.

Что стоит за этими данными? Свидетельствуют ли они о влиянии протестантского требования «аскетизма в миру» на поведение верующих? Действительно, существует достаточно определенная корреляция между церковным стажем, т.е. длительностью пребывания членами евангельско-баптистского братства опрошенных и мерой их самоограничения в удовлетворении материальных потребностей (см. таблицу). Однако, признавая такое влияние в принципе, нет оснований утверждать его исключительность. Очевидно, наряду с ним здесь действуют и иные факторы, в частности уровень достатка, изменения материального положения и меры ответственности за обеспечение необходимым себя и своей семьи, происходящие в различные возрастные периоды жизни человека.

Материалы исследования демонстрируют совпадение общей тенденции возрастания степени сдержанности в тратах по возрастным группам и церковному стажу.

Группа	Экономят
моложе 25 лет	51,9
26–40 лет	63,6
41–60 лет	64,3
старше 60 лет	69,2

Экономность расходования средств в группах по возрасту (в %)

Группа	Экономят
менее 5 лет	52,4
6 – 10 лет	60,8
11–20 лет	66,4
более 20 лет	67,5

Экономность расходования средств в группах по церковному стажу (в %)

Как видим, экономность минимальна среди тех, кто моложе 25 лет, а также тех, чье членство в Церкви не превышает пяти лет. Вместе с тем она максимальна у тех, кому за шестьдесят лет, и тех, чей церковный стаж превышает более двадцати лет. Разумеется, следует иметь в виду, что в каждом конкретном случае возраст не определяет длительности пребывания в Церкви, но на уровне больших чисел, т.е. статистически, такая зависимость существует.

Степень бережливости в тратах наших респондентов находится в прямой зависимости от их материального положения. Если среди людей обеспеченных склонные экономить составляют менее половины (47,8%), то среди испытывающих нужду – три четверти. Женщины менее сдержанны в тратах, что, видимо, во-первых, объясняется особенностями их психики, а во-вторых, тем, что не они являются основными добытчиками в семье.

Таким образом, материалы исследования позволяют сделать вывод о том, что трудовая этика современных российских евангельских христиан-баптистов представляет собой синтез, с одной стороны, протестантских библейско-богословских идей о труде и, с другой – представлений, сформировавшихся у них на основе личного трудового опыта в условиях перехода России от советской планово – директивной экономики к свободному предпринимательству. Их понимание смысла труда имеет двойное измерение – как Божественного призвания и как предназначения приносить пользу людям. Не испытывая пиетета перед бедностью, не осуждая априори стремления к личному обогащению, они во главу угла ставят добросовестный труд, рациональное самоограничение потребностей, использование своего достояния на благие дела. Все это свидетельствует о том, что российские протестанты, в частности евангельские христиане-баптисты, несут в себе значительный потенциал экономического расцвета России.

© Картавенко Л.В.